

предшествовавшему периоду в истории Московского княжества, на самом деле ознаменовался нарушением тесного союза великокняжеской власти с властью духовной, что ослабляло позицию московского князя среди отдельных русских княжеств. Наиболее резко это проявлялось во время княжения Дмитрия, после смерти митрополита Алексея. Василий Дмитриевич пытался восстановить это единение между великим князем московским и митрополитом, он всячески стремился привлечь на свою сторону и Киприана и его преемника, митрополита Фотия, но добиться такого тесного союза с митрополитом, какой был во времена митрополитов Петра и Алексея, он не смог.

Если мы рассмотрим те эпизоды, где встречается имя митрополита Киприана, то увидим, что непосредственно к военным событиям, к битве на Куликовом поле Киприан отношения не имеет. Он выступает как официальное духовное лицо, необходимое для совершения религиозного обряда и для религиозно-моральных суждений о том или ином событии. И сама личность Киприана в данном случае значения не имеет, важно не то, что это Киприан, а то, что это митрополит, высшее духовное лицо на Руси. Митрополит нужен автору „Сказания“ для того, чтобы через него дать оценку с позиций религиозной морали действиям и поступкам великого князя московского, историческим событиям, связанным с Куликовской битвой.

Таким образом, из публицистических соображений, стремясь показать на примере Дмитрия Донского образец идеальных отношений великого князя с остальными русскими князьями и с русской церковью, автор „Сказания“, вопреки историческим фактам, делает Киприана участником событий 1380 года и показывает его, опять-таки в противоположность истинному характеру деятельности Киприана на митрополичьем столе, верным союзником и сторонником действий великого князя московского.

Сравнительно очень большое внимание в памятнике уделено литовским князьям Ольгердовичам. Это послужило А. А. Шахматову одной из причин для предположения о существовании особого литературного памятника о Куликовской битве, в котором прославлялись Владимир Андреевич, Ольгердовичи и Дмитрий Боброк Волынский. Но, как нельзя было согласиться с этим по отношению к Владимиру Андреевичу, так же нет никаких оснований считать, что эпизоды с Ольгердовичами в „Сказании“ имеют своим источником какой-то другой памятник. Все эпизоды, посвященные этим князьям, принадлежат автору „Сказания о Мамаевом побоище“. Рассказ о них тесно связан с образом литовского князя Ольгерда. Поступку Ольгерда, присоединившегося к Мамаю, противопоставляется поступок его детей, которые для защиты православной веры пошли против родного отца. Для того чтобы сильнее подчеркнуть это противопоставление Ольгердовичей Ольгерду, автор „Сказания“, вопреки исторической правде, представляет все дело так, как будто бы Ольгердовичи ушли перед самой Куликовской битвой от отца и перешли на службу к Дмитрию Донскому. На самом деле в 1380 году и Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились уже на службе у великого князя московского и, как его вассалы, должны были принимать участие в походе великого князя. Андрей Ольгердович добровольно перешел на сторону московского князя еще в 1377 году. Дмитрий Ольгердович во время похода на Литовскую землю войск великого князя в 1379 году, при осаде Трубчевска — отчинного города Дмитрия Ольгердовича, „не стал на бой, ни поднял руку противу великого князя, но со многым смиреннем изыде из града, и со княгинею своею и з детми своими и з бояре,